

Вяземский избирает для себя другой ежедневный «подвиг бытия». Поэт сознает неполноту, ограниченность избранного пути, «тесный круг» возможных действий. В письмах к Тургеневу находим свидетельства участия к судьбе нуждающихся людей из интеллигенции, в основном литераторов. Известно, как много сделал Вяземский для Сибирякова, крепостного поэта. В письме к Тургеневу в январе 1820 г. из Варшавы есть прямое указание на то, что понимал Вяземский под словом «Я подвиг бытия означил тесным кругом». Передавая Жуковскому свою просьбу похлопотать об умирающем в чахотке писателе Мещевском, Вяземский пишет: «В таких делах только и есть жизнь, во всем прочем — тление; особенно же у нас, где бытию нельзя крылья расправить; надобно по земле перепазивать»

И подвиг бытия означить тесным кругом
(ОА, т. II, с. 1)

Клятва «тирану быть врагом и жертве верным другом», которую брат декабриста А. И. Тургенев «принял чувством сродным», которую мог бы для себя повторить каждый из вольномыслящих людей России, произнесена «в смиреньи». Очевидно, что «смиренье» нужно понимать не в буквальном значении как покорность, отказ от действий, примирение с действительностью, а в значении — понимание своего слабосилия, ограниченности своих возможностей и отказ в связи с этим от осуществления «надежд величавых». Возможность исполнения клятвы означена «тесным кругом» обстоятельств. Вернувшись теперь к третьей строфе, можно прочесть ее правильной:

Но силы испытав, я дум смирил порыв,
И замерли в душе надежды величавы.

«Смирил» возможно понимать как умерил, а не покорил вовсе, рассчитал по силам, сменил думы (здесь в значении мечты, планы) на более реальные, выполнимые.

Но лирическому герою «Уныния», познавшему иллюзорность счастья, приносимого поэтической славой, утратившему веру в преобразование общества на началах добра и справедливости, предстоит пройти через еще одно разочарование — разочарование в любви.

С улыбкою любви, в венках из свежих роз
На пир роскошества влекли меня забавы.

Вероятно, речь идет о розах Гименея. В пушкинском кругу Гименея, как известно, не жаловали. Пушкин называл его: «бедняжка, дряхлый и ленивый, холодный, грустный, молчаливый» (I, 228). И у Вяземского вырываются строки, полные горечи:

О сколько в нектар их я пролил горьких слез,
И чаша радости была сосуд отравы.

По-видимому, эта цепь образов «розы — нектар — чаша радости — сосуд отравы» возникла не без влияния «Чайльд-Гарольда» Байрона, с творчеством которого он впервые познакомился именно в 1819 г. и которым страстно увлекся: «... в последнее время он (Чайльд-Гарольд. — Э. О.) стал справедливо думать, что дары любви вовсе не так приятны, как ее полет, что как ни кажется она прекрасной, полной всех очарований юности, но под ее цветами часто скрывается горькая отравка». Возможно объяснить ее появление в «Унынии» и биографией поэта. Брак Вяземского с В. Ф. Гагариной называли счастливым. Но не крылась ли за внешней гармонией иная правда? Не она ли продиктовала Вяземскому просьбу к Тургеневу «не подписывать, печатая „Первый снег“, „Уныние“ — также и паче: это род исповеди. Конечно, у нас никто не читает: пиши, что хочешь, но иное и для себя мыслить вслух не должно?» (ОА, т. II, с. 1). Не она ли побудила